ИСТИНА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Следственный комитет РФ подготовил законопроект, предусматривающий возрождение в уголовном процессе принципа установления объективной истины по уголовному делу. Он размещен на сайте Следственного комитета для общественного обсуждения. Глава СК РФ Александр Бастрыкин считает, что только на основе истинных знаний об обстоятельствах преступления возможно справедливое осуждение виновного и что восстановление этого института позволит обеспечить конституционные гарантии на справедливое правосудие и повысить степень доверия граждан к суду.

Адвокатское сообщество не согласилось с такой оценкой. На заседании Научно-консультативного совета Федеральной палаты адвокатов 25 апреля законопроект Следственного комитета был подвергнут критике. Среди высказанных опасений были отход от принципа состязательности в уголовном процессе, бесконечное возвращение дел на доследование и даже нарушение презумпции невиновности.

Совместим ли институт установления объективной истины судом по уголовному делу с современным уголовным процессом или это пережиток советского прошлого? Каковы будут практические последствия его введения?

Георгий Смирнов,

старший инспектор Следственного комитета РФ, кандидат юридических наук

— Одной из причин, по которой проведенная в начале 2000-х годов реформа российского уголовного судопроизводства не достигла ожидаемых результатов, стала несовместимость ряда правовых институтов, заимствованных из передовых зарубежных уголовно-процессуальных законодательств. К таким институтам можно отнести состязательность в том виде, в котором она представлена в УПК РФ 2002 г. Российское уголовное судопроизводство близко к англо-американской модели чистой состязательности. В ней суду отводится роль пассивного наблюдателя, который, исследовав представленные доказательства и выслушав мнения, выносит решение, исходя из логичности аргументов сторон. В российском процессе эта модель ослаблена тем, что судья имеет возможность проявить активность в восполнении доказательств. Но проблема в том, что это его право, а не обязанность. А раз не обязан, он из-за загруженности этого не делает.

Loaded: 12-07-2025 PMt 15:32:40

z-6_p_017-028.indd 17 22.06.12 15:17

Почему модель чистой состязательности не подходит нашему уголовному процессу? Российское досудебное производство, в отличие от американского (в котором предварительного расследования нет, а есть полицейское дознание, схожее с нашей оперативно-разыскной деятельностью, и стадия предания суду), носит разыскной, а не состязательный характер. Доминирующим субъектом доказывания на этом этапе является орган предварительного расследования. Объем процессуальных возможностей стороны защиты ограничен правом заявлять ходатайства о производстве следственных и иных процессуальных действий. В результате она оказывается в худшем положении, чем сторона обвинения, которая к этому времени уже располагает внушительной доказательственной базой.

Поэтому возникает необходимость в создании некой системы противовесов, которая позволила бы смягчить неравенство. Согласно законопроекту СК РФ элементом такой системы и должно стать наделение судьи обязанностью проявлять активность в восполнении доказательств (как правило, неполнота заключается именно в обвинительной односторонности).

Объективная истина в проекте закона определяется не как трансцендентная философская категория, оторванная от реальности, как ее пытаются представить оппоненты, а как соответствие обстоятельств, установленных по уголовному делу, действительности.

Противники института установления объективной истины полагают, что в действующем УПК РФ и так определен ориентир процессуальной деятельности в виде предмета доказывания. Однако этот довод лишен логики, поскольку предмет доказывания — это, проще говоря, то, что необходимо установить, а принцип установления объективной истины — это то, как надо это устанавливать. Зачастую сторона обвинения, формируя доказательства и представляя их суду, игнорирует оправдательные или смягчающие вину обстоятельства. В условиях чистой состязательности, которая предполагает не только разделение трех известных процессуальных функций, но и равенство сторон, подобное поведение вполне закономерно, потому что обвинительному тезису может быть противопоставлен контртезис, оценив который, судья придет к справедливому решению. Но всегда ли подсудимый может сформулировать такой контртезис?

Многие считают, что на равенство сторон работает презумпция невиновности. Однако давайте задумаемся, что происходит на практике. Подсудимый действительно не обязан доказывать свою невиновность; зачастую так и происходит, когда он пользуется услугами бесплатного защитника, который не желает тратить свои силы на сбор доказательств. Подсудимый же обычно недостаточно хорошо владеет юридическими знаниями, чтобы защищать себя самостоятельно. В условиях чистой состязательности, где преобладает логическая сила аргументов, это приводит к торжеству обвинительной аргументации и обвинительного приговора. В итоге сейчас оправдательных приговоров, как утверждают представители адвокатского сообщества, меньше, чем во времена сталинских репрессий.

Loaded: 12-07-2025 PMt 15:32:40

z-6_p_017-028.indd 18 22.06.12 15:17

Таким образом, чистая состязательность в большей степени несовместима с презумпцией невиновности. Взамен ей предлагается модель сбалансированной состязательности, ориентирующей не только суд, но и дознавателя, следователя и прокурора на активную и беспристрастную роль в познании истины по делу.

Вопреки опасению противников объективной истины, это не приведет к смешению процессуальных функций, так как суд будет не подменять собой какую-либо из сторон, а лишь восполнять доказательственную базу вне зависимости от ее природы.

Недаром тревогу относительно проекта закона первыми забили именно представители адвокатского сообщества. Предлагаемая конструкция, при которой процессуальное неравенство сторон компенсируется не активностью адвоката, а обязанностью судьи восполнить доказательства, принижает процессуальную значимость защитника.

Основной упор в критике законопроекта делается на определенные преимущества, получаемые следователями и прокурорами, которые якобы будут использовать его для исправления ошибок, допущенных на стадии предварительного расследования. Но никто не говорит, почему потерпевший должен страдать из-за таких ошибок. По действующему УПК РФ неполнота предварительного расследования, не устранимая в ходе судебного заседания, лишает потерпевшего возможности добиться обвинительного приговора, а следовательно, ущемляет его конституционное право на доступ к правосудию.

При этом представители адвокатского сообщества утверждают, что исправление этих ошибок, предполагающее для подсудимого поворот дела к худшему, противоречит Конституции РФ и что при наличии ошибок он должен быть оправдан даже несмотря на то, что может быть виновен.

Однако Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 08.12.2003 № 18-П подтверждает вывод о конституционности и необходимости активной роли суда в устранении недостатков досудебного производства, а также о недопустимости игнорирования позиции потерпевшего, в том числе и в вопросе о доказанности вины подсудимого. Следует согласиться и с тем, что инициатива по восполнению пробелов доказывания путем возвращения уголовного дела прокурору должна принадлежать исключительно сторонам, а не суду. В противном случае суд становится на позицию одной из сторон. Эта точка зрения нашла отражение в Постановлении КС РФ от 20.04.1999 № 7-П и в проекте закона.

В заключение хотелось бы отметить, что доктрина объективной истины учитывает то, что уголовно-процессуальное исследование фактов преступления ограничено возможностями человеческого познания, опосредованным характером изучения информации, свойствами следовой информации со временем видоизменяться и уничтожаться и т.д. В связи с этим объективная истина в проекте закона — не императивное требование, а цель (идеальная модель результата), для достижения которой публично-правовые субъекты обязаны

Loaded: 12-07-2025 PMt 15:32:40

z-6_p_017-028.indd 19 22.06.12 15:17

приложить все усилия. И лишь в случае невозможности достижения этой цели после принятия исчерпывающих процессуальных мер решение по делу принимается на основе юридической фикции, согласно которой неустранимые сомнения в виновности толкуются в пользу обвиняемого.

Если все возможные меры для обнаружения объективной истины не были приняты, ее нужно продолжать искать, хотя бы и пришлось отменить приговор и назначить новое судебное разбирательство. Доставленные обвиняемому неудобства компенсируются его правами на реабилитацию, на разумный срок уголовного судопроизводства и на возмещение причиненного в результате нарушения этих прав ущерба, ограниченным сроком пребывания под стражей, а также иными процессуальными гарантиями, делающими крайне невыгодным для публично-правовых субъектов судопроизводства затягивание сроков предварительного расследования или судебного разбирательства, а тем более бесконечное возвращение дела из суда на доследование.

Генри Резник,

президент Адвокатской палаты
г. Москвы, заслуженный юрист РФ

— Возрождать объективную истину в уголовном судопроизводстве нет никакой нужды. Как известно, истиной называется соответствие знаний, представлений человека событиям, предметам, явлениям действительности. Уголовный процесс нацелен на установление прошлых событий, связанных с преступлением, лицом, его совершившим, и его виновностью. Выяснение этих фактов производится с помощью доказательств, т.е. следов, оставленных преступлением в материальной обстановке и сознании людей. На следствии и в суде эти доказательства собираются, проверяются и оцениваются — так идет процесс установления истины.

Но поиск истины в судебном разбирательстве может осуществляться разными путями: неоинквизиционным (следственным) или состязательным. В неоинквизиционной модели процесса нет разделения на разные по своей природе функции: обвинения, защиты и решения дела. Все они объединены в деятельности судьи, который сам собирает доказательства, выдвигает разные версии произошедшего, без ограничений назначает и проводит следственные действия, сам изобличает обвиняемого, требует от органов обвинения дополнительных доказательств виновности, если они не смогли их собрать. В этой модели суд не связан мнением прокурора и вправе осудить даже при отказе того от обвинения.

Ни о какой объективности и беспристрастности суда при подобном построении уголовного процесса говорить не приходится — суд неизбежно превращается в орган уголовного преследования, во второго государственного обвинителя.

Всё это мы уже проходили — таким было советское правосудие, перед которым уголовно-процессуальный закон ставил те же задачи, что и перед прокурором, следователем и лицом, производящим дознание.

Loaded: 12-07-2025 PMt 15:32:40

z-6_p_017-028.indd 20 22.06.12 15:17

К чему это привело? К нарушениям прав граждан, фактическому вырождению оправдательных приговоров, пыточному следствию, манипуляциям со статистикой, искусственному завышению процента раскрываемости преступлений. Со всем этим мы расстались, когда пришли к мысли (как много раньше — другие страны), что состязательная модель, где функции обвинения, защиты и рассмотрения дел друг от друга отделены, более соответствует назначению уголовного процесса. Но до сих пор приходится пожинать плоды дурной советской наследственности по той причине, что суд никак не может освободиться от мысли, что он решает вместе с прокуратурой и следствием одну общую задачу, и поэтому в нашем профессиональном суде практически отсутствуют оправдательные приговоры.

Чего хочет Следственный комитет? Он хочет опять де-юре впрячь в одну колесницу следствие и суд, связав их общей задачей розыска. Почему? Полагаю, забеспокоился: а вдруг суд начнет действительно приобретать независимость от органов обвинения?

Истинная цель Следственного комитета — возродить институт возвращения дела на доследование, ликвидировать состязательность и презумпцию невиновности. Иначе говоря, вернуться к советской модели «правосудия без оправданий», которых и так в профессиональном суде кот наплакал.

Инга Михайловская,

эксперт Института права и публичной политики, заведующая сектором проблем правосудия ИГП РАН, доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ, профессор

— Принцип объективной истины характерен для инквизиционного процесса, в конструкции которого позиция обвиняемого (отношение к предъявленному обвинению) не имела какого-либо значения. Состязательный процесс основан на теории уголовного иска, признающий обвинение (обвинителя) и защиту (обвиняемого) равными субъектами уголовного судопроизводства. УПК РФ, основываясь на ч. 3 ст. 123 Конституции РФ, закрепляет в своей ст. 15 принцип состязательности сторон.

Главы 40 и 40.1 УПК РФ ввели процедуры разрешения уголовно-правового спора, применение которых зависит от позиции обвиняемого, а не от установления фактических обстоятельств дела.

Согласие обвиняемого с предъявленным обвинением делает излишним судебное следствие. Возрождение в законе принципа объективной истины противоречит общему построению уголовного процесса, диверсификации форм рассмотрения дела судом, а механическое включение этого принципа в главу 2 УПК РФ будет означать конфликт основных положений, регулирующих уголовное судопроизводство. Реликтом инквизиционного процесса является институт возвращения судом дела прокурору (ст. 237 УПК). Расширение возможностей применения этого института (предусмотренное Федеральным законом от 02.12.2008 № 226-ФЗ) препятствует не только увеличению доли оправдательных приговоров, заменяя их постановлениями о прекращении дела в стадии предварительного расследования, но и повышению качества последнего, поскольку дает возможность исправлять допущенные нарушения процессуальной формы, восполнять пробелы в установлении обстоятельств дела и т.п.

Loaded: 12-07-2025 PMt 15:32:40

z-6_p_017-028.indd 21 22.06.12 15:17

Генрих Падва,

адвокат, заслуженный юрист РФ

— Я полагаю, что термин «объективная истина» необоснованно пытаются использовать в уголовном процессе, переняв его у философии. Думается, что в уголовном процессе можно говорить лишь о процессуальной истине, которая всегда является лишь практически добытой при помощи доказательств относительной достоверностью.

Считаю, что введение в УПК РФ института установления объективной истины вступает в противоречие с некоторыми конституционными принципами и потребует внесения изменений в Конституцию РФ. Так, к примеру, она предусматривает чрезвычайно важное положение о том, что в уголовном процессе могут существовать неустранимые сомнения в достоверности тех или иных обстоятельств и что они должны толковаться в пользу обвиняемого. Проект СК РФ противоречит этому положению, равно как и принципу презумпции невиновности, закрепленному в ст. 14 УПК РФ и основанному также на конституционных нормах.

Особо хочется остановиться на утверждении, что сторона защиты наделена правом собирать доказательства и возможностью активно участвовать в процессе доказывания.

На самом деле уголовно-процессуальное законодательство построено так, что, хотя такое право абстрактно провозглашено, оно реально ничем не обеспечено. Адвокаты подчас собирают значительный доказательственный материал, однако суды чаще всего даже не желают исследовать и оценивать эти доказательства; таким образом, право на сбор доказательств и их представление суду (и следствию) не обеспечено встречными обязанностями принять и исследовать эти доказательства.

В то же время следствие собирает любые обвинительные доказательства и направляет их в суд, и они являются содержательной частью самого дела, а суд на практике почти никогда не устраняет эти доказательства, отказывая в признании их неприемлемыми по той или иной причине.

Кроме того, все доказательства, которые добывает защита, не обеспечены процессуально, что дает возможность в любом случае по формальным основаниям не признавать их приемлемыми.

Поэтому всерьез говорить о том, что защита обладает равными правами с обвинением, т.е. о подлинной состязательности, не приходится. В этих условиях о каком отыскании абсолютной истины может идти речь?

Я остановился только на некоторых частностях законопроекта, который, на мой взгляд, несомненно, хочет превратить современный процесс в нечто подобное тому, что делал небезызвестный Торквемада во имя отыскания Божественной истины.

Loaded: 12-07-2025 PMt 15:32:40

z-6_p_017-028.indd 22 22.06.12 15:17

Леонид Головко,

и.о. заведующего кафедрой уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор

— Инициатива Следственного комитета является естественной реакцией на откровенный провал наивных и совершенно некомпетентных попыток совместить несовместимое — англо-американскую процессуальную идеологию и континентальную процессуальную инфраструктуру. Случилось то, что предсказывали многие специалисты еще в период разработки и принятия нового УПК РФ: отказ от идеи «полного, всестороннего и объективного исследования обстоятельств дела» не то что не улучшит, а значительно ухудшит отечественную уголовно-процессуальную систему. Десяти лет оказалось достаточно, чтобы убедиться в том, что уголовный процесс не стал в России более справедливым, состязательным, ориентированным (на деле, а не на бумаге) на защиту прав человека и т.д. Причем это не только российский феномен. К примеру, в Грузии за два года действия нового УПК, представляющего собой принятый под фанфары и действующий с 2010 г. элементарный перевод американского законодательства, состоялся лишь один (!) показательный состязательный процесс с участием сторон: все остальные (100% минус 1) закончились заключением кабинетных сделок о признании. Остается только догадываться, почему вдруг грузинские обвиняемые и их адвокаты с таким поразительным единодушием забыли о том, что такое спор с обвинением и состязательный гласный процесс, в результате чего за голову хватаются американские эксперты, работавшие в Грузии и хотевшие как лучше. Так что «переоценка ценностей» необходима, а произойдет ли она по инициативе Следственного комитета или кого-то другого — не столь уж важно.

Теперь собственно об истине. В России эта полемика иногда поражает откровенной некомпетентностью: дескать, что-то «советское, архаичное и нерыночное» (теория истины) сталкивается здесь с чем-то «западным, современным и рыночным» (состязательность). На самом деле понятие «материальная истина» — это процессуальная идиома, позволяющая двумя словами обозначить континентальный тип уголовного процесса, действующий сегодня во Франции, Германии, Бельгии, Швейцарии, Нидерландах и далее по списку. Если кому-то не нравится французский термин *vérité matérielle* (материальная истина, ст. 81 УПК Франции), можно воспользоваться немецким термином *Instruktionmaxime* (инструкционная максима, или следственное начало, § 244 и др. Уголовно-процессуального кодекса ФРГ). Именно так, к слову, именуется ст. 6 новейшего УПК Швейцарии, вступившего в силу с 1 января 2011 г., где сказано: «1. Органы, осуществляющие производство по уголовным делам, обязаны по своей инициативе устанавливать все факты, необходимые для уголовно-правовой квалификации деяния и разрешения дела в отношении обвиняемого. 2. Они с одинаковой тщательностью обязаны выявлять как обстоятельства, свидетельствующие о виновности обвиняемого, так и обстоятельства, свидетельствующие о его невиновности». Что здесь нерыночного и советского? Кто-то отказался от счета в швейцарском банке или недвижимости на Лазурном Берегу из-за страшно инквизиционных УПК Франции и Швейцарии? Специфика советского права проявилась разве что в замене понятия «материальная истина», отражающего идею материального права, противопоставляемого процессуальному (именно материально-правовые аспекты требуется установить), на понятие «объективная истина», отражающее советские философские искания в духе идеализма, материализма и т.д. Но этот советский грех, уводящий дискуссию из сугубо юридической плоскости в плоскость философскую, характерен как для сторонников, так и для противников концепции.

Loaded: 12-07-2025 PMt 15:32:40

z-6_p_017-028.indd 23 22.06.12 15:17

Другой вопрос, что принцип материальной истины отрицается англосаксонскими процессуальными системами, но не потому что они «рыночнее» (Германия экономически не менее успешна, чем, допустим, Великобритания). Дело в ином: в Англии или в США профессиональный судья ни при каких условиях не рассматривает уголовные дела по первой инстанции. Варианты там совершенно иные: либо сделка, либо суд присяжных, либо полупрофессиональные или вовсе непрофессиональные магистраты по мелким делам. От присяжного никто не требует мотивированного развернутого ответа на сложные вопросы материального уголовного права. Он дает лишь ответ «да» или «нет» на вопросы, поставленные сторонами. В этом и только в этом смысле можно говорить о пассивности суда и отсутствии материальной истины. Другое дело — профессиональный судья, стоящий в центре континентального уголовного суда первой инстанции. Кому может прийти в голову требовать от него развернутого профессионального письменного мотивированного ответа на сложнейшие вопросы уголовного права и заявлять о том, что он не должен вмешиваться в процесс доказывания? Только нам. Это все равно что требовать от исследователя-аналитика компетентных выводов, но отказывать ему в праве запрашивать фактические материалы. Однако если мы превращаем профессионального судью в пассивного присяжного, он и дает нам односложный ответ на текст обвинительного заключения, переписывая последнее взамен творческого мотивированного приговора. Чему здесь тогда удивляться? Если исходить из пассивности профессионального судьи, такой практикой, напротив, надо только восторгаться.

На самом деле грубейшие институциональные ошибки нужно исправлять, причем немедленно, иначе мы и дальше будет скатываться в пропасть под политкорректные рассуждения о состязательности и западных стандартах, не имеющие отношения ни к подлинной состязательности, ни к современным стандартам, которым немецкая, французская или швейцарская уголовно-процессуальные системы соответствуют в полной мере.

Сергей Пашин,

профессор кафедры судебной власти и организации правосудия НИУ ВШЭ, член Независимого экспертно-правового совета, заслуженный юрист РФ, федеральный судья в отставке

— Понятие объективной истины взято из арсенала гносеологии и неприменимо в предметной области уголовного судопроизводства. Ратовать за установление объективной (или же материальной) истины — все равно что видеть в абсолютно черном теле вещественное доказательство, считать гомункулуса субъектом процесса, требовать завершения производства по уголовному делу постановкой материальной точки.

Познание в уголовном процессе протекает не по законам естественных наук, но в гуманитарной парадигме. Работа ведется не с природными (объективно заданными) свойствами объектов, но со сведениями, почерпнутыми из неполных, сознательно замутненных, противоречивых источников. Выводы, содержащиеся в приговоре, — это продукты доказывания, имеющего ограниченные возможности. Следователи и судьи не наделены даром всеведения, а значит, требовать от них можно обоснованности, но не истинности выводов. Процессуальная «истина», в отличие от истины объективной, определяется имеющимися в нашем распоряжении допустимыми средствами доказывания, а также искусственными конструкциями — фикциями и презумпциями. Ис-

Loaded: 12-07-2025 PMt 15:32:40

z-6_p_017-028.indd 24 22.06.12 15:17

тина в процессе зависит также от позиции стороны, продиктованной ее интересами. Как верно отмечали дореволюционные авторы, судоговорение не устанавливает истины, но решает дело.

Научная и практическая несостоятельность концепции объективной истины в процессе не означает ее бессмысленности. Под чернильным облаком отвлеченной философской терминологии скрываются вполне приземленные намерения: вернуть доследование; обязать суд восполнять пробелы следственных материалов, т.е. узаконить и без того мощное тяготение российского правосудия к карательным органам. Результатами данных шагов неизбежно оказываются дальнейшее падение уровня профессионализма следователей и дознавателей, огрехи работы которых покроет и загладит суд; еще большее упование прокуроров на активную поддержку суда в состязании с защитой; уязвимость приговоров, которые в любой момент можно будет отменить под предлогом неполноты привлеченной совокупности доказательств; сохранение для оправданного постоянной угрозы уголовного преследования. Иными словами, речь идет о возвращении к неоинквизиционным конструкциям и кафкианским порядкам советского уголовного процесса.

В постановлении Европейского суда от 24.05.2007 по делу «Радчиков против России» провозглашается противоположный, т.е. правовой, подход к смыслу и устройству уголовного процесса: «Ошибки или недостатки работы органов государственной власти должны работать в пользу подсудимого. Другими словами, риск совершения ошибки прокуратурой или даже судом должно нести государство, и эти ошибки не должны исправляться за счет заинтересованного лица». Этой линии нам и следует держаться при оценке ведомственных инициатив.

Александр Халиулин,

директор НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

— Возвращение в УПК принципа всесторонности, полноты и объективности исследования всех обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, безусловно, является обоснованным. Представляется, что причиной невключения этого принципа в действующий УПК РФ стал ошибочный тезис о том, что он, как и понятие объективной истины, противоречит принципу состязательности. На самом деле никаких противоречий нет, а состязательность и процессуальное равноправие сторон не самоцель, а средство достижения справедливости правосудия. Право на справедливое правосудие, как известно, закреплено Конвенцией о защите прав человека и основных свобод.

Если же говорить о существе самого законопроекта, он представляется достаточно сбалансированным. Обязанность устанавливать истину по делу и осуществлять уголовное преследование с позиций всесторонности и полноты исследования доказательств, а также объективности — это безусловная обязанность прокурора, руководителя следственного органа, следователя, начальника органа и подразделения дознания, дознавателя. В то же время суд должен иметь право возвратить уголовное дело прокурору в случае, когда решение, соответствующее критериям справедливости правосудия, принять невозможно без дополнительных следственных либо иных процессуальных дей-

Loaded: 12-07-2025 PMt 15:32:40

z-6_p_017-028.indd 25 22.06.12 15:17

ствий или когда необходимо заново предъявить обвинение, если преступление оказалось более тяжким, либо иным по фактическим обстоятельствам.

Вместе с тем трудно согласиться с предложением возвратить в УПК РФ такое основание отмены приговора, как неполнота судебного следствия. Суд, как известно, не находится ни на стороне обвинения, ни на стороне защиты и в условиях действия принципа состязательности создает сторонам равные условия для представления доказательств и реализации других процессуальных прав.

Никита Колоколов,

профессор кафедры судебной власти и организации правосудия НИУ ВШЭ, судья Верховного Суда РФ в отставке, доктор юридических наук

— Анализ законопроекта, особенно пояснительной записки к нему, позволяет сделать вывод: обозначенная СК РФ идея об «истине объективной» на самом деле — конь троянский.

Судопроизводство в России осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон (ч. 3 ст. 123 Конституции РФ). Ведущий участник процесса, более того, его инициатор — сторона обвинения (потерпевший, следователь, прокурор) — в реальности считается единой лишь номинально. Субъекты эти действуют, как герои басни Крылова лебедь, рак и щука. Потерпевший в праведном гневе рвется к высотам наивысшей справедливости и наиполнейшей компенсации вреда и ущерба. Следователь озабочен лишь проходимостью дела через прокурора и суд. Минимум дел на доследование — вот его главная цель! Стремления первых двух субъектов обвинения совершенно не интересуют прокурора, его устраивает и возврат дела на доследование, и формальное обозначение обвинения в суде.

Известно также и то, что классическая состязательность непредсказуема. Более всех опечалены этой непредсказуемостью органы предварительного расследования. Чтобы улучшить проходимость дела, они время от времени пытаются заручиться поддержкой лица, призванного разрешать дела, т.е. судьи.

Прямо записать суд в когорту обвинителей они, конечно, не смеют. А вот интегрировать представителей судейского корпуса в свое сообщество регулярно пытаются путем унификации целей доказывания.

В результате нам предлагают очередную утопию. Что касается «объективной истины», она всегда субъективна, ибо такое ее качество, как объективность, определяют субъекты, простые смертные, которые частенько лгут (во благо или в иных, в том числе преступных, целях).

Известное выражение «пойди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что» в интерпретации современного следователя звучит так: судья, делай, что хочешь, но спаси дело от оправдательного приговора.

Никто не спорит, что суд должен стремиться к установлению истины, поскольку соответствие его решений представлению о справедливости — база авторитета судебной власти. Однако установление истины — лишь один элемент в иерархии целей, стоящих как перед системой охраны, так и перед государством в целом.

Loaded: 12-07-2025 PMt 15:32:40

z-6_p_017-028.indd 26 22.06.12 15:17

Юрий Костанов,

первый вице-президент Гильдии российских адвокатов, член Совета Адвокатской палаты г. Москвы, кандидат юридических наук

— Как обычно, отгадка кроется в подробностях. Само по себе требование о достижении объективной истины в процессе может показаться даже весьма симпатичным — чего уж плохого в том, что приговор будет отражать истинное знание о преступлении (или об отсутствии оного)? Проблема, однако, в том, кто — суд или стороны — будет признавать объективную истину установленной. Стороны? Но как обвинение, так и защита считают свою версию событий истинной. Суд? Но каким образом, не становясь на, простите за каламбур, сторону стороны, суд может это сделать? В предлагаемой к внесению в УПК ч. 2 ст. 16.1 говорится, что суд при наличии сомнений в истинности мнения сторон должен принять все необходимые меры к установлению действительных фактических обстоятельств уголовного дела. Считается, по-видимому, что в сознании судьи уже откуда-то существует представление о действительных событиях, отличное от того, которое выдвинули стороны, и это судейское видение событий нужно подтвердить доказательствами, которые сторонами не представлены. Тогда суд и занимается принятием всех необходимых мер «к установлению действительных фактических обстоятельств уголовного дела». И что это как не предложение заставить-таки суд выступить на стороне обвинения либо на стороне защиты?

Очевидно, что формула предлагаемой ч. 2 ст. 16.1 ничего не добавляет к положениям ст. 14 УПК о том, что толковать в пользу подсудимого нужно лишь те сомнения, «которые не могут быть устранены в порядке, установленном настоящим Кодексом». Более того, включение предложенной формулировки может дезориентировать правоприменителей, породив у них мнение о том, что в ст. 16.1 речь идет о каких-то других сомнениях, не о тех, которые имел в виду законодатель, конструируя норму о презумпции невиновности в ст. 14 УПК, о существовании истины, которая познается за пределами исследованных доказательств.

Не думают же авторы законопроекта, что без их новаций суды основывают свои выводы на вполне устранимых сомнениях, «сомнениях ленивого ума», как называл их А.Ф. Кони. Увы, распространенность действий и решений, порожденных «ленивым умом», — одна из грустных реалий нашего судопроизводства. Но предложенный законопроект не способен избавить нас от этой беды. Фактически, какими бы красивыми словами ни прикрывались эти построения, речь идет о том, что приговор якобы следует основывать не на той картине мира, которая нарисована доказательствами («формально-юридическая истина» по терминологии разработчиков законопроекта), а на той, которая кажется правильной судье. Между тем судье должно быть безразлично, что именно произошло в действительности, если собранные доказательства не позволяют этого узнать со всей полнотой. Судья может сколько угодно думать, что подсудимый — преступник, но если этому нет доказательств, приговор надо выносить оправдательный. Профессиональный подход в том и состоит, что для судьи истина есть то, что усматривается из доказательств. Отрицание приоритета «формально-юридической» истины перед объективной истиной на практике приводит к фальсификации доказательств, подтасовыванию фактов, назначению виновными первых попавших под руку оперработникам и следователям, применению незаконных методов ведения следствия. Отсюда и широкое распространение в XXI в. в демократической России вполне средневековых по характеру пыток.

Loaded: 12-07-2025 PMt 15:32:40

z-6_p_017-028.indd 27 22.06.12 15:17

zakon ru
ПЕРВАЯ СОЦИАЛЬНАЯ СЕТЬ ДЛЯ ЮРИСТОВ

Комментарии пользователей портала *Zakon.ru*

Роман Тараданов,

юрист,
Челябинск
http://murzik.zakon.ru

— Законодательные инициативы правоохранительных органов в последнее время стабильно вызывают подозрения у юридического сообщества. Этот случай не исключение. Действительно, в нашей судебной практике все чаще наблюдаются признаки объективного вменения. Поэтому явно необходимо введение принципа объективной истины в смысле установления более жестких и объективных требований к доказательственной базе обвинения. Вместе с тем недопустимо введение принципа объективной истины в «советском» смысле, судья не должен доделывать за обвинение или защиту их работу — это поставит под сомнение его беспристрастность. Но предлагаемый проект сулит другую крайность, а именно почти неограниченное увеличение возможных сроков уголовного преследования. Теоретически мошенника средней руки, который мог бы спокойно просидеть положенные пару лет, могут продержать в СИЗО в два раза дольше.

Loaded: 12-07-2025 PMt 15:32:40

z-6_p_017-028.indd 28 22.06.12 15:17